

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO BUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIII

Buenos Aires, martes, 17 de enero de 1961

Буэнос Айрес, вторник 17 января 1961 года № 573

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

154. ЧТО ПРИНЕС ИСТЕКШИЙ 1960-й ГОД ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ И УГНЕТЕННОМУ НАРОДУ И ЧТО СУЛИТ СЕЙЧАС НАСТУПИВШИЙ 1961 ГОД?

По примеру прошлых лет, мне кажется полезным оторваться на этот раз от оценки последних злободневных событий, никакого сенсационного интереса не представляющих, а попробовать разобраться теперь в событиях еще одного прожитого нами на чужбине года, года обычных лишений и невзгод для нашего порабоженного народа и года всяких страхов и сюрпризов для западной дипломатии.

Обратимся сначала к анализу внешней политики советской диктатуры, пережившей в 1960 году ряд позорных провалов и нелепых хрущевских выходов при его выездах за границу.

Прошедший год начался как будто спокойно: беспечные американцы и их европейские подголоски все еще смаковали пресловутый “Дух Кэмп Дэвида”, помня как Хрущев обхаживал 26-27-го сентября 1959 г. старого президента, словно переживавшего вновь прежние братанья с коммунистическими насильниками в годы общей победы. Хрущев же задался целью вышибить западных союзников из Берлина и изолировать Германию, которой он смертельно боится, но не путем грубых сталинских наскоков и новой блокады Берлина, как в 1949 году, а путем всяких братаний с прежними врагами Германии, которых он легкомысленно рассчитывал шуточками и прибаутками привести к прежней политике окружения Западной Германии и уступки ее на большевизацию прежнему союзнику военных лет.

Эти карты он впервые раскрыл при приеме в феврале итальянского президента Гронки. Неверно информированный своим бездарным послом С. П. Козыревым, он рассчитывал, что президент из левых католиков и участник антигерманского “сопротивления” в 1943-45 г. г. попадет на его удочку. Получив твердый отпор от президента и несомненного антикоммуниста мин. иностр. дел Дж. Пелла, он пошел на грубый скандал в итальянском посольстве 8-го февраля, что предвещало серию хамских выходов на протяжении всего года.

Такую же неудачу он потерпел в марте-апреле во Франции, где рассчитывал пробудить в де Голле старую ненависть к Германии и проливал с Малиновским крокодиловы слезы на полях сражений Первой Мировой войны, которую на год затянуло предательство большевиков, что во Франции не забыто!

Убедившись в провале своих планов изоляции Германии из всех бесед с Мак Милланом, Айзенхауэром, Гронки и де Голлем, Никита выступил с грубой воинственной речью в Баку 25-го апреля, а затем в конце сессии пленума Верховного Совета после пленума ЦК, перестроившего состав секретариата, выступил 6 мая с сенсационным заявлением о сбитии американского самолета, который при падении с 20 км. высоты сохранил неприкосновенными все свои аппараты, а летчик-шпион представил чекистам ампулу с ядом, кинжал, деньги и золотые часы для подкупа советских граждан, валюту, которую должны были колхозники менять в советских сберкассах, все свои воинские документы и даже квитанцию об уплате им членского взноса в мasonicкую ложу в Соед. Штатах.

С этого момента начинается политика грубого шантажа и военных угроз: разрыв переговоров в Париже 16-го мая и в Женеве 27-го июня. Прекращаются всякие разговоры о ликвидации Холодной войны и о разоружении, западные дипломаты снова пугаются при мысли, что восточные немцы при поддержке советского оружия, если не войск, захватят Западный Берлин; над Баренцовым морем сбивается второй американский самолет, что вызывает со стороны трусливого Айзенхауэра не реальные репрессалии (разрыв дипломатических сношений и высылка советского посольства из Вашингтона), а только отказ от новых встреч с Хрущевым. Тогда Хрущев затевает представление в Объединенных Нациях: приглашает туда всех мировых политиков и выступает с дикими, заведомо неосуществимыми, предложениями: переносит свои выпады с Айзенхауэра на Хаммершильда, братается с Фиделем Кастро и Секу Туре, скандалит на всех заседаниях, устраивает интервью с балкона и, наконец, возвращается домой по требованию президиума ЦК, практически не добившись ничего: ни приема Пекинского правительства в Объединенных Нациях, ни отставки Хаммершильда, ни установления диктатуры Лумумбы в Конго. Обильно текут всякие виды материальной помощи на Кубу, в разные новые арабские и негритянские государства и все это за счет зверской эксплуатации русского народа, который при коммунизме должен не только содержать жадную шайку кремлевских кровососов, но и всяких смутьянов на всех континентах; еще при Ленине мы работали по праздникам, жертвуя заработок то на бастующих шахтеров в Руре, то на покинувших предприятия итальянских рабочих, а при Сталине работали на бастовавших полгода британских углекопов (1926 г.), затем на воевавшего против маньчжурских генералов Чан Кай-ши, затем на всех забастовщиков Европы и Америки, живших много лучше советского рабочего, не говоря уже о колхознике. Теперь же русские рабочие и крестьяне будут надирать свои мускулы и недоедают, чтоб послать промышленное оборудование не только в Вьетнам или Индонезию, но и в Гану, Гвинею, Мали и другие новорожденные черные республики, которые пожелают его принять. Советский поэт Сергей Влад. Михалков высмеивал “американский доллар важный, что нынче сам лезет всем взаем”, но не следует ли тоже сказать и про советские танки, грузовики, транспортные самолеты “Ильюшин”, истребители “МИГ”, разные виды пехотного оружия, которые усиленно дарят и “продают” на условиях долгосрочного кредита то Индонезии после посещения ее в феврале Хрущевым, то Объединенной Арабской республике после визита в Москву маршала Амера, то любой из новорожденных африканских республик.

При этом из Москвы Сулов и Пономарев провоцируют восстания и снабжают оружием и политинструкторами любое антиамериканское правительство (Куба) или повстанцев (Гватемала, Никарагуа, Венесуэла), содействуют внедрению вооруженным путем коммунизма в Лаос, но терпят, порой, позор-

ные поражения, как в Конго, где провалилась советская ставка на незадачливого Лумумбу и было выгнано с позором первое советское посольство во главе с М. Д. Яковлевым.

Заканчивается год уступкой перед требованиями Аденауэра при заключении нового торгового договора и стрельбой транспортного самолета ИЛ, выбрасывавшего советских парашютистов в Лаосе, по американскому двухмоторному “Дакота”, на котором помощник военного атташе Соед. Штатов в Лаосе майор Ризер по просьбе королевского правительства хотел проследить это несомненное нарушение нейтралитета Лаоса советской авиацией.

Итак, еще раз подтверждается мое заключение, что недостойная трусость американцев ведет к пренебрежению Хрущева в отношении американских прав и интересов, а требования твердого и ненавидимого в Кремле Аденауэра удовлетворяются скорее американских. Недаром Аденауэр уже давно добился освобождения из советских тюрем всех, так называемых, “военных преступников” из состава гитлеровской армии и германской оккупационной администрации, а Айзенхауэр покинет свой пост, оставив в советских тюрьмах трех американских летчиков, из которых два безусловно были сбиты над открытым морем.

Провалив свою кампанию в Конго, советская дипломатия пытается теперь, в конце года, натравить на Францию марокканского султана, поддерживая его притязания на Мавританию. Курьезно отметить, что ни одна из “колониальных” держав не препятствовала приему новых африканских республик в Объединенные Нации, кроме СССР, который провалил прием Мавритании в отместку за многократные отказы в приеме советского сателлита Внешней Монголии и безуспешно протестовал против признания правительства Касавубу законным правительством свободного Конго. Итак, политика Хрущева в Африке потерпела в истекшем году ряд поражений.

Интересно в связи с этим отметить, что в советской печати причитания по поводу “ужасов” колониальной эксплуатации в Африке занимают столько места, что его не остается для изображения далеко не улучшающейся жизни собственного народа.

Внутри страны продолжается нехватка продовольственных продуктов и товаров широкого потребления. Иностранцам демонстрируются шикарные магазины нескольких столиц союзных республик и “городов-героев”: Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, но имеющиеся из разных источников сведения подтверждают нехватку товаров даже в крупных областных центрах во всех республиках. Последние выступления советских вождей в декабре снова говорят о необходимости беречь поступающее на фабрики сырье и топливо (это после всяких блестящих “электрофикаций”!), рационально использовать оборудование (после громких слов о введении “новой техники”!).

В отношении сельского хозяйства замалчивается далеко не блестящее положение на целине и говорится о необходимости в 1961 году распашки новых земель, что свидетельствует об убогости советской агрономии: во всех западных странах земля продолжает и после многих веков обработки давать прекрасные урожаи и никто не кричит, что во Франции или Германии перестала родить земля, обрабатываемая еще со времен римского владычества. Нигде печать не должна напоминать крестьянам, что надо торопиться с посевами или уборкой, ни в одной стра-

не не приходится посылать учащихся или промышленных рабочих помогать уборке урожая. Словом, прошлый год не принес никакого улучшения ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности; хрущевщина полностью сохранила порочные методы коммунистического хозяйствования, свойственные сталинщине, и их может устранить лишь свержение советского ига над всеми народами нашей великой Родины.

На фоне этой разрухи, прикрываемой все теми же лживыми и дутыми цифрами советской статистики, ничего не меняет пересаживание с кресла на кресло разных хрущевских прихвостней.

На майском пленуме ЦК секретариат ЦК уменьшен равно на половину — с 10 до 5 человек: остались секретарями Хрущев, Сулов, Куусинен, Мухитдинов и к ним добавлен Козлов; зато остальные пересели по методу Крыловской басни “Квартет”: Фурцева, которой 7-го декабря исполнилось полвека, подобно “проказнице-мартышке”, пересела с кресла в секретариате ЦК на кресло министра культуры СССР, Брежнев, подражая ослу, занял декоративный пост главы советского государства вместо з а б ы в ш е г о своевременно умереть Ворошилова, который в феврале будет справлять 80-летие, глуповатый Игнатов на роли “косолопого Мишки” перебрался в заместители премьера, но не первые, какими являются сейчас Микоян и Косыгин; наконец Арстов и Поспелов из секретарей ЦК перешли в члены бюро по РСФСР и разъезжают по стране “снимать провалившихся провинциальных сатрапов, “как не справившихся с работой”, которую выполняли, порою, по десятку лет.

После этих майских перетасовок прошло больше подлуга и об их хозяйничаньи в несчастной стране можно кратко сказать словами великого нашего баснописца:

“Ударил в смычки, дерут, а толку нет!”

На последней сессии Верховного Совета в декабре 1960 года два события обратили на себя внимание всех читателей печати в России и за границей:

1. По требованию влиятельных членов ЦК после обычных докладов зам. председателя совета министров и председателя Госплана В. Н. Новикова и министра финансов А. Н. Гарбузова о хозяйственном плане и о бюджете на 1961 год состоялся доклад о внешней политике министра иностр. дел А. А. Громыко, очень бледный и умеренный, в прениях по которому вопреки всем ожиданиям не выступил Хрущев. Повидимому, ему внушили коллеги по “коллективному руководству”, что ему после двух поездок во Францию и двух по Соед. Штатам остается лишь прятаться за спину Громыко и глупо аплодировать, когда последний отпускает в речи плоские комплименты провалившемуся премьеру после скандальных заграничных гастролей.

2. Все были поражены, когда при открытии заседания в зал вошли и уселись на скамьях за президиумом Верховного Совета, на местах, отведенных для членов президиума ЦК КПСС по близости от Хрущева, Брежнева, Козлова и других членов президиума ЦК Алексей Илларионович Кириченко и Николай Ильич Беляев; напомним читателям, что первый из них был 14-го января 1960 года переведен с поста секретаря ЦК на пост первого секретаря Областного Совета в Ростов на Дону, затем в мае исключен из президиума ЦК, а 15-го июня по предложению приехавшего в Ростов Арстова вообще “снят с работы”. Второй же ставший секретарем ЦК и членом президиума 30-го июня 1957 года за поддержку Хрущева против “антипартийцев”, был еще в де-

Н. Потоцкий

БЕЗ ИДЕАЛА

Прошло уже пятнадцать лет, — а для некоторых случаев и несколько больше, — с тех пор, как в странах свободного мира появилась новая эмиграция из СССР. Если в первые годы ее пребывания в этом мире ей пришлось почти исключительно отдавать свои духовные и физические силы самой прозаической борьбе за существование, и у нее не было просто никакой возможности заниматься вопросами об "идеях" и "идеалах", то за последний, примерно, десяток лет жизнь этой новой эмиграции вошла более или менее в нормальную колею в отношении устройства ее личных дел и ее материального благосостояния, а потому было совершенно естественно, что из ее среды уже выделился некий, в духовном и политическом отношении, более активный отбор, создались известные организации, появились свои собственные газеты, журналы, брошюры и даже толстые книги и сборники.

А потому, для старой эмиграции и для яровой массы новой является в настоящее время вполне законным поставить этому духовному "активу" послевоенных пришельцев "оттуда" вопрос о том, какую идейную работу он, этот "актив", проделал за эти годы, каким именно общественным идеалом вдохновился на основе максимально внимательного и объективного анализа не только всего пережитого нашей страной за последнее полувековье, но и главных процессов всего нашего исторического прошлого, и какие именно отчетливые, идейно и практически обоснованные лозунги считает он своим долгом внедрить в гущу российской политической эмиграции и, что в особенности важно, перебросить в среду новых подсоветских поколений. Времени для такой плодотворной и патристически обязательной деятельности у нынешних духовных руководителей, выдвинувшихся из рядов новой эмиграции, было как будто достаточно! А в то же время нельзя не согласиться с С. Рафальским (статья "Мы и они" в "Н.Р.С." от 15 сентября 1960 г.), что "создавать общественное движение без общественного идеала — это все равно, что поджигать море". Сознание этого долга имеется и у самого этого "актива", один из представителей которого А. Кашин, пишет в июльском номере журнала "Свобода": "Мы, находящиеся на воле, получившие свободу, обязаны и говорить, и думать. И действовать. У нас все эти возможности есть".

Увы, знакомясь с духовным творчеством новоэмигрантской "элиты" в области выработки общественного идеала и идейных предпосылок к нему, невозможно не прийти к весьма печальным заключениям. Никакого идеала у этой "элиты" нет, как нет и никаких ярких и отчетливых идей, из которых должен вырасти этот идеал. По собственному признанию этих новоявленных "вождей", они только теперь приступают к подготовительной работе в этой области. В предисловии к брошюре В. Николаева "К свободе, праву и справедливости", издавшее ее ЦОПЭ так и пишет: "настало время говорить о будущем, спорить о нем..." Почему же это время настало только теперь, в то время, как само ЦОПЭ существует уже несколько лет? А в той же статье А. Кашина в июльском "Свободе", анализируя такие основы общественного идеала, как понятия национализма и патриотизма, он заключает свою статью словами: "Нашей задачей было поставить — нет, наметить — проблему, а разрешать ее нужно сообща". Не странно ли, что такой важный вопрос даже не ставится, а только намечается? И сколько еще лет потребуется для его разрешения "сообща"?

Можно с полным правом усомниться, что эти проблемы будут решены, а этот идеал будет выработан этой духовной элитой новой эмиграции и по прошествии, быть может, еще новых пятнадцати лет. Право на подобный скептицизм появляется, в особенности, при чтении некоторых идеологических столпов этой "элиты". Лично у меня он возник при чтении статьи "Русская революция и коммунизм" Ф. Арнольда в том же июльском номере "Свободы". Ф. Арнольд — один из главных идеологов ЦОПЭ, а потому по нем можно судить и об общем идейном

уровне этих идеологов, их эрудиции, духовной самостоятельности, достоинство подхода к проблеме "о любви к Отечеству и народной гордости". Прочтя эту статью, я не мог не почувствовать горечи при мысли, что такой убогий идейный багаж вкладывается в мозги рядовых членов ЦОПЭ и читателей "Свободы" вообще, если только они таким багажом удовлетворяются и ничего другого в области этих проблем не читают, слепо вверяясь верховным жрецам своей организации.

Вот первый пример идейной убогости этого багажа. Одной из главных причин нашей революции 1917 года Ф. Арнольд считает тот факт, что было "невозможно перенять европейскую промышленность и европейское, не ограниченное определенными слоями общества, образование, и перенять европейские формы политического и общественного устройства".

Удивительная логика, не правда ли? Совсем по словам того же С. Рафальского: "рецепт прост: одевайтесь у лучших европейских портных, и — станешь настоящим джентльменом". И притом большое удобство: совершенно не нужно напрягать собственных мозгов и даже изучать свою историю: "стоит принять Европу, как уже достигнутый оптимум", и необходимость в идеологически насыщенной программе отпадает" (С. Рафальский). Словом, заповедь новых сеятелей доброго и вечного во образе г. г. Арнольдов такова: если у вас нет фабрик шерстяных тканей и вы занимаете их организацию у Англии, то вы обязаны перенести к себе и институцию английского парламентаризма; а если вы заимствовали у Франции технику производства шелковых изделий, то вы должны построить все духовное воспитание вашей молодежи на основе идей энциклопедистов XVIII века и принципов "великой" французской революции. И, как пишет Арнольд, "этого нельзя было не сделать без риска катастрофических потрясений". Что у нашего народа была своя собственная история и собственная психология, — на это г. Арнольду наплевать! Что Петр Первый говорил о том, что "мы возьмем у Европы то, что нам нужно, а потом повернемся к ней задом", об этом г. Арнольд, повидимому, никогда не слышал. Что наши катастрофические потрясения произошли именно от того, что наш ведущий класс оказался отравленным чуждыми русскому народному духу идеями о безусловной необходимости рабской пересадки к нам, на нашу русскую почву, "европейских форм политического и общественного устройства", — об этом г. Арнольд как видно совсем невдомек. А между тем, сам же он пишет: "интеллигенция стремилась революционизировать уклад жизни и совершить революцию, независимо от того, имелись ли в развитии России к тому реальные предпосылки". Можно ли отрицать, что г. г. Арнольды являются проповедниками "рабского, слепого подражания", а на практике еще и сторонниками самой злостной реставрации, ибо хотят восстановить в возрожденной России те корчи парламентаризма, в которых русский народ болезненно переваривал подсушенные ему формы европейского политического бедлама с 1906 года, и при этом совершенно закрывают глаза на полное банкротство этих форм, которое мы наблюдаем в истории Европы на протяжении последних десятилетий.

И какой идеал можно создать на базе не только заказов костюмов у лучших европейских портных (причем их владельцы стали такими джентльменами, что не гнушаются торговать с каннибалами и заставлять своих монархов подавать руку отъявленным бандитам и палачам), но и на базе полного незнания своего собственного исторического прошлого? Достаточно указать на те "цели и задачи русской революции", которые ей ставит г. Арнольд, чтобы можно было уличить его не только в явных противоречиях самому себе, но и просто в невежестве в области представлений о предреволюционном положении России.

Вот эти "цели и задачи", которые, будучи не решены в старой России, потребовали катастрофических потрясений для своего решения:

"Дальнейшая индустриализация страны". Но неужели же г. Арнольду совершенно неизвестен тот колоссальный промышленный прогресс, который происходил на нашей Родине в последние десятилетия перед революцией? Но ведь он же сам пишет: "За сорок пореформенных лет (то есть после великих реформ Царя-Освободителя. Н. П.), а особенно с начала 90-х годов, социально-экономический прогресс начал идти все более ускоряющимися темпами. Россия вступила в конце прошлого века в эпоху бурного роста промышленности и торговли. В течение 20-30 последующих лет (то есть до начала Первой Мировой войны) Россия по валовому производству основных отраслей промышленности вышла на 4-5 место в мире. Рост городов и заводов шел рука об руку с ростом общей цивилизации страны и новым расцветом русской культуры, науки и искусства. Россия превращалась в передовую страну по истине "американскими" темпами" (подчеркнуто повсюду г. Арнольдом).

Но как же можно здесь не воскликнуть: так для чего же нужна была Русскому народу Февральская революция? Разве без нее требуемая г. Арнольдом "дальнейшая индустриализация страны" не продолжалась бы такими же американскими темпами? И не допускает ли г. Арнольд той возможности, что если на смену советской власти отрезвевший Русский народ установит даже столь отвратную для г. г. Арнольдов Самодержавную Монархию, то индустриализация в России продолжится в той же прогрессии, но только уже на благо жизненных интересов народа?

Второй задачей революции г. Арнольд ставит "создание третьего сословия", то есть того слоя, который на Западе называют средней и крупной буржуазией и "миром дельцов".

Здесь приходится только развести руками и подивиться тому факту, что человек, претендующий не только на роль политического журналиста, но и идеолога крупной политической организации, проявляет такую, мягко выражаясь, неосведомленность в том, что в предреволюционный период образование и развитие в России именно этого "третьего сословия" были совершенно реальным фактом. Ведь один привидимый самим г. Арнольдом факт грандиозного промышленного прогресса России создавал мощные предпосылки для создания такого общественного класса. Крупные и средние заводчики и фабриканты, крупные и средние купцы, крупные и средние помещики, среднее и высшее чиновничество и офицерство и такое же духовенство, профессура и преподаватели средних учебных заведений, инженеры, врачи и даже верхи богатейшего крестьянства, посылавшие своих детей уже в университеты, — разве все эти социальные элементы русского предреволюционного общества не представляли уже собою многочисленного третьего сословия? А если и в будущем этот класс должен был неминуемо увеличиваться в связи с общим прогрессом нашей страны, то о какой же "задаче революции" можно тут говорить? Да проглотит меня г. Арнольд, но в просторечии такие умствования "с ученым видом знатока" называются просто словоблудием, или по-чеховски: "они хотят свою образованность показать и потому говорят всегда о непонятном". Вот уж действительно непонятно! Нищая же духом должна быть аудитория г. Арнольда, если во всем ЦОПЭ не нашлось ни одного человека, который не призвал бы его "к порядку" на страницах той же "Свободы"!

Третья "задача революции" — "создание культурного, опирающегося на личную собственность сельского хозяйства".

Можно было бы сказать, что г. Арнольд свалился с луны и никогда не слышал о столыпинской аграрной реформе, если бы он не упомянул сам о ней мельком в своей статье, сказав, что она запоздала на 30-40 лет и что она не пользовалась популярностью у самих правящих кругов. Насчет запоздания не спорим, но "лучше поздно, чем никогда", а "цыплят по осени" то есть перед Февральской революцией, можно было насчитать уже в таком обилии, что даже бывшая революционерка А. В. Тыркова-Вильямс признала, что перед этой революцией русское крестьянство непрерывно богатели, и "столыпинские помещики" уже протискивались в первые ряды буржуазии. Можно себе представить, во что

превратилось бы это крестьянство, если бы Бог послал России те 15-20 лет без войн и революций, о которых Его молил Столыпин! Так пусть же г. Арнольд скажет честно: нужна ли была Февральская революция с точки зрения интересов российского крестьянства? И тормозила ли Царская власть процесс его обогащения, или же, все-таки, он должен будет признать с минимумом добросовестности, что этот царский министр, и притом с благословения Государя, и притом (страшно сказать), будучи принужден распустить на несколько дней скопище "народных избранников", в котором и правые, и левые готовились голосовать против реформы, положил начало крестьянскому благосостоянию, не думая ни о каких "целях и задачах революции", а только о Великой России и совершенно игнорируя вопрос о "популярности" или "непопулярности" этих реформ у правящего класса или у врагов последнего, ибо эти реформы нужны были, прежде всего, многомиллионной крестьянской массе, а тем самым и общенациональной российской экономике, что и было доказано последующим расцветом русского сельского хозяйства.

Четвертой целью и задачей русской революции г. Арнольд ставит "осуществление культурной революции", т. е. повышение культурного уровня всего населения в качестве предпосылки для дальнейшей индустриализации и возникновения средних классов общества".

Если, как мы видели, сам г. Арнольд говорит о "росте общей цивилизации страны и новом расцвете русской культуры, науки и искусства" в предреволюционный период, если из брошюры своего же единомышленника г. Чугунова о народном образовании в России и в СССР он мог бы узнать (повидимому не знает!) о том, что в последние годы Императорского правительства, вместе с земщикою — и без всяких Государственных Дум и революционной интеллигенции — открывали ежегодно до десяти тысяч школ, а высшие учебные заведения выпускали лучших в мире врачей, инженеров, агрономов, педагогов и пр., и пр., то спрашивается: какая именно "революция" нужна была г. Арнольду в этой области? Не ясно ли и здесь полное противоречие у г. Арнольда с самим собою, совершенно недопустимое под пером журналиста, претендующего на внедрение своих идей в широкие массы новой эмиграции? Или же дело идет о весьма прозаической спекуляции на плохой осведомленности этой последней о положении дел в России в последнее царствование?

Наконец, последнее требование к русской революции — "осуществление демократических форм управления страной, начиная с местного самоуправления и кончая правительством".

Прежде всего напомним г. Арнольду, что местное самоуправление было введено в России еще Императором Александром Вторым, а как блестяще справлялось это самоуправление в последние перед революцией годы со своими культурно-просветительными и бытовыми задачами, известно всякому мало-мальски культурному русскому человеку, знакомому с работой губернских, уездных и волостных земств в эту эпоху, так же, как и городских управлений. И не функционировали ли все эти учреждения на самой демократической основе?

Что же касается высших форм самоуправления, то не был ли, на радость тогдашним г. г. Арнольдам, пересажен на российскую почву в 1906 году самый настоящий западноевропейский парламентаризм в лице Госудрст. Думы и со всеми его опереточными атрибутами: пленумами, фракциями, комиссиями, запросами и т. д.? Ну, и что же получилось? Сам г. Арнольд пишет, что "политически организованная после 1905 года русская революционная интеллигенция наглядно продемонстрировала в первой и второй Государственной Думе свою полную неспособность к ведению конкретной политической и государственной работы" (подчеркнуто г. Арнольдом). Не намного лучше показали себя и две последующие Думы: если их приходилось распускать, чтобы провести в жизнь капитальной важности для страны аграрную реформу, или если Государю пришлось самому приказывать начать постройку сверхдредноутов, потому что "народные избранники" тянули с этим важнейшим для обороны страны делом до бесконечности, то какой же толк для народа был

от таких «демократических форм правления»? А в роковые годы Первой Мировой войны что поставила своей главной задачей 4-я Государственная Дума: деловую работу рука об руку с правительством на укрепление вооруженных сил и на подготовку конечной победы, или же исключительно борьбу с ним и, через его голову, с Династией и притом с применением самых гнусных приемов лжи и клеветы? И кто же возглавил петроградский «бабий бунт», как не г. г. Родзянки, Милюковы и Гучковы? И это в тот момент, когда, даже по признанию таких авторитетных в этом вопросе иностранцев, как Черчилль и Хитлер, Россия стояла накануне несомненной и грандиозной победы? Можно ли после этого отрицать, что эти «высшие демократические формы управления страной» сыграли в этот судьбоносный для нашей Родины момент самую подлую и предательскую роль? Но тогдашним г. г. Арнольдам нужно было выныть да положить для победы «ответственное перед парламентом министерство», хотя они, касаясь этого вопроса, до сих пор деликатно умалчивают, что в САШИ министерство, как и в России перед революцией, было и остается ответственным перед главой государства, что не помешало Америке выиграть и Первую, и Вторую Мировую войны.

Таковы те жалкие идейки, на основе которых современные г. г. Арнольды пытаются построить какой-то идеал, вместо которого поэтому и получается только убогий тришкин кафтан обанкротившегося уже давно либерализма. Это идею убожества сказывается и в их непредрешенчестве в вопросе о будущей верховной российской власти. Их конструктивные предложения сводятся к высказываниям В. Николаева в вышеупомянутой его брошюре: ни сейчас, ни в момент падения красной диктатуры решать вопрос о форме верховной власти нельзя. Необходимо создание некоей Директории (без «великой» французской никак не обойтись!), которая подготовит созыв Учредительного Собрания, которое и решит этот вопрос путем прямого, равного и тайного голосования. Так что если это собрание будет состоять из 600 человек и в пользу монархии высказается 299, а в пользу республики 301, то (не говоря уже о всяких пропагандных предвыборных трюках) столь дорогая нашим демократам народная воля будет наполовину изнасилована, и во главе «высшей демократической формы правления» будет поставлен не то нынешний глава ЦОПЭ с опорой на политически высококвалифицированных г. г. Арнольдов, не то г. Поремский с несомненно более прочной опорой в лице товарищей Хохловых.

Ясно, следовательно, что своих собственных убеждений о том, какая именно форма верховной власти нужна будет возрожденной России у пророков и учителей из ЦОПЭ не имеется. Этих Иванов, не помнящих своего исторического родства, отечественная история ничему не научила. Они не понимают самого главного: если на Западе та или иная форма верховной власти создавалась на базе материалистического западноевропейского мировоззрения, исходящего из борьбы между низами и верхами, и на основе всевозможных комбинаций классовых интересов, то Русская Монархия не является простой формой правления, а воплощением устремлений русского народного духа к Божьей Правде и к единению всех племен и народностей страны в интересах внешней самозащиты и внутреннего справедливого порядка. Иностранец Палеолог лучше, чем русские идеологи из НТС и ЦОПЭ, понял, что Российское Самодержавие является органической духовной основой нашего народа и что с падением его падет и Россия. Идея Монархии является органической основой русского национального самосознания, а не игрушкой в руках политических партий и профессиональных жуликов освоенного ими в узко-корыстных целях парламентаризма. Вот почему эта идея является в то же время и ИДЕАЛОМ каждого подлинного, национально-культурного русского человека, знающего историю своей страны, психологию своего народа и его тысячелетнее стремление к Правде-Справедливости, на страже которой может по-

настоящему стоять только такой Верховный Арбитр, который руководится не писанными конституциями и не продиктованными ему тронными речами, составленными сегодня либералами, а завтра консерваторами, а своей религиозной совестью, ограниченной сознанием своей ответственности перед Всевышним за судьбы своего народа. На все это безродные г. г. Арнольды закрывают глаза, а потому и готовы с такой необыкновенной легкостью в мыслях пересадить на русскую почву уже в самых корнях загнившее дерево западноевропейских «демократических форм» — из собственной истории они ничему не научились! А потому никакого ИДЕАЛА у них и нет, есть убогая мечта перетачить на российские просторы прогнившие декларации западных парламента, а самим нарядиться в полинялые и подбитые молю костюмы одряхлевших актеров погорелого театра.

Горько и больно за участь массы рядовых членов организаций, вожди и учителя которых с таким апломбом вливают в неопытные и плохо осведомленные мозги малых сих свою полуинтеллигентскую «эрудицию», проявляя неспособность — или нежелание — осознать свою великую ответственность — содействовать выработке в новых российских поколениях твердого и ясного национального самосознания, обладая которым человек становится подлинным гражданином своей страны, ибо он твердо знает, при каких конкретных условиях культурного и технического прогресса она может стать поистине могучей и богатой и при какой верховной власти могут быть обеспечены народу эти условия. И жалки те политические авгуры, которые бряцают прекрасными, но пустозвонными словами «свобода» и «родина» и требуют борьбы за них. Борются и даже отдают свою жизнь можно и должно только за такую Родину и за такую Свободу, ясный и отчетливый Идеал которых живет в сердце бойца, полный определенного содержания и основанный на глубинных импульсах национально-государственного инстинкта и сознательного знания, переданных нам нашими предками, строителями нашей Великой Империи. А без такого Идеала может ли быть гарантия в том, что на другой день после падения советской власти члены ЦОПЭ не вступят в кровавый бой с товарищами из НТС, ибо понятия о Родине и свободе могут оказаться — и непременно окажутся — у них совершенно несогласуемыми, а потому одни будут рассматривать других как «врагов народа», подлежащих беспощадному истреблению! Перспектива веселая, не правда ли?

И нельзя не порадоваться тому, что наиболее чуткой и политически неиспорченной части новых эмигрантов удалось сразу же выйти из-под тлетворного влияния идеологов НТС и ЦОПЭ и всей душой почувствовать, что их место в рядах зарубежного монархизма. Им достаточно было услышать и прочитать огненные и гениально-простые книги и статьи И. Л. СОЛОНЕВИЧА, с которыми, повидимому, совершенно незнакомы «идеологи» из ЦОПЭ, чтобы всем своим национальным инстинктом, освободившимся от красного ига, осознать, что только Идеал Русской Самодержавной и Народной Монархии есть национально полнокровный российский Идеал, что только он способен влить в российские народные массы мощное стремление к подлинному культурному расцвету, что максимальное приближение к нему в организации духовной, социальной, политической и хозяйственной жизни нашего освобожденного народа поставит нашу Родину на первое место в мире и позволит ей подать яркий и живой пример другим народам, на каких путях возможно достижение вечного мира и еще невиданного культурного процветания на всем земном шаре.

Не напрасно встревожились коммунистические вожаки и воспитатели новых русских поколений, узнав, что в среде последних пробивается свободная русская мысль, неподкупное русское слово, говорящее им Правду о Царской России и указывающее им пути к настоящему Идеалу счастливого будущего для нашей великой страны. Зерно попадает на добрую почву — наш долг расширить площадь посева. В этом — настоящая задача и цель подлинных служителей подлинного ИДЕАЛА!

Н. Потоцкий

Н. Кусаков

О ЖЕСТОКОСЕРДИИ

Когда эта записка предстанет перед очами читателя, произойдет много нового. Как говорится, — утечет много воды. Но написать это все равно полезно, хотя бы, как записку для памяти.

Сейчас с острова Кубы бежит много народу. Бегут от кубинского большевизма. Все толкуют об ужасах, которые распространяются на Кубе из-за большевистского владычества там, и все предупреждают других, чтобы и те не допустили у себя чего-либо подобного владычеству Фиделя Кастро.

Но спрашивается: кто станет слушать? Мы имеем основание ответить, что если полные отчаяния дозвония кубинских беглецов и найдут слушателей, то исполнителей — нет. Причина этому в страшном человеческом жестокосердии. Если бы кто-либо не поверил нам, то пусть обратится к доказательству и обратит внимание на следующее.

Из Вашингтона сообщают, что бежавший с о. Кубы бывший главный судья Верховного Суда Кубы дает важные информации относительно того, что происходит на Кубе. Это — Эмилио Менендэс, прошедший на судебной службе одиннадцать лет и имевший возможность бежать только 14-го ноября 1960 года.

В своем интервью, данном журналу «World Report», сеньор Менендэс говорит, что за два года своего владычества в Кубе, в смысле подавления свободы, Фидель Кастро сделал гораздо больше, чем советские вожди сделали в России за сорок три года. Хотя уже и это заявление не может не привлечь нашего внимания, не станем останавливаться здесь. Послушаем, что же именно так поразило сеньора Менендэса.

Подавление гражданского права со стороны правительства Кастро вызывает «отвратительное чувство отсутствия безопасности», — говорит он.

«Куба перестала быть правовым государством... Любая полицейский или же солдат службы разведки, может войти в ваш дом, посадить вас в тюрьму, произвести обыск в вашем доме, и вы никогда не получите ответа на вопрос о том, — за что? или — почему? Просто так, вдруг, ни с того, ни с сего вы оказываетесь перед лицом революционного трибунала, состоящего из солдат». «Вы должны понять, — страстно говорит с-р Менендэс, обращаясь через журнал «Интернейшенэл Ньюс энд Уэрлд Репорт» к общественной мысли Америки и с нею всего цивилизованного мира, — вы должны понять, что на Кубе мы теперь живем без правил, и вы должны понять, что это обозначает. Человек должен жить по правилам. Он должен знать, что случится с ним, если он сделает то, или другое, то есть, если он поступит так или иначе. Это чрезвычайно важно».

Сеньор Менендэс работал в кубинском суде до Кастро и после Кастро. Он человек образованный. Он не стерпел попрания человеческих прав, которое захлестнуло Кубу теперь, и подал в отставку. Подал в отставку, он укрылся в Гаване в Аргентинском посольстве, после чего ему удалось перебраться в США. (Попробовал бы он в Москве!..)

Теперь он собирается совершить поездку по всем странам Латинской Америки и объяснить латиноамериканцам, что «независимость судей является основной, фундаментальной базой демократии».

Так сообщают газеты, агенты которых имели возможность прочитать свежий номер названного Сев. Американского журнала. Пожелаем сеньору Эмилио Менендэсу большого

успеха в предпринятой миссии и оставим наше внимание на следующих вопросах.

Картина бьта на Кубе, с солдатами, которые врываются в дома, с обысками, на которые имеет право любой чиновник органов безопасности, с тем, что человек оказывается под судом по причинам, которые ему никак неизвестны... все эти картины нам достаточно хорошо знакомы. Многие знают все это по личному опыту. По личному же опыту многие из нас знают, что если бы кто-либо в Москве укрылся в каком-либо иностранном посольстве по поводу своего несогласия с политикой советского правительства, то выбравшись из Москвы в эту иностранную державу ему никак не удалось бы. Пример кардинал Миндсенти в Будапеште! Их перед глазами.

О том, что происходило и происходит в тех странах, где легально и конституционно существует диктатура коммунистической партии, о том, что там о правах человека и гражданина уже и говорить позабыли (разве славая экзаме по истории Французской революции), о том ЧТО там происходило и происходит — писалось и говорилось на протяжении сорока трех лет. Пусть мы, — русские эмигранты, — даже и очень ленимся, пусть мы имеем еще и еще сотни и даже тысячи поводов критиковать, бранить и осуждать сами себя и друг друга, но отменить того факта, что с нашей стороны об ужасах большевизма сказано, написано, официально доложено и документально засвидетельствовано во ушию всего свободного мира бесконечно много данных... этого факта опаривать не станут даже и сами русские политические эмигранты, даже и в целях критики самих себя!

Книги ген. Краснова в свое время были переведены на все европейские языки.

Книга И. Л. СОЛОНЕВИЧА была известна всему культурному миру.

Книга инж. Кравченко еще свежа в памяти людей ее недавно прочитавших. Полная библиографическая справка здесь не нужна.

Главный судья Верховного Суда Кубинской республики, конечно, относится к той категории культурных людей, которым надлежало все названные книги знать, а некоторые из них и почитать.

Из того, что говорит кубинский судья сеньор Эмилио Менендэс, из того сравнения кубинских обстоятельств с обстоятельствами в странах коммунистической диктатуры, которые появились на страницах столь крупного журнала, как «Интернейшенэл Ньюс энд Уэрлд Репорт», приходится сделать вывод, что ни сеньор Менендэс, ни сотрудники и редакторы этого уважаемого журнала названных книг русских борцов против большевизма не читали, а если и читали, то прочитав забыли даже и то, на какую полку они положили эти книги после прочтения.

Если такова была реакция на русскую антикоммунистическую литературу со стороны главного судьи Верховного Суда республики Куба, если такова была реакция на русскую антикоммунистическую литературу со стороны редакции сотрудников названного уважаемого американского журнала, то спрашивается в задаче:

На какую реакцию может рассчитывать сеньор Эмилио Менендэс?

Ответ: Если ему и дадут говорить, то быстро забудут.

Если он будет говорить, то ему не поверят.

Если он будет говорить, то число слушателей будет столь жалко ограниченным, что вся его горячая акция останется без последствий.

В чем причина?

Причина в страшном жестокосердии современного человечества. Со страниц газет и журналов, печатавших данные о советском терроре, сообщавших об ужасах коммунистической диктатуры, струились потоки крови и слез. От рассказов очевидцев застыла кровь в жилах. Хладнокровные люди не могли скрыть волнения, когда они читали известные нам с Вами страницы про «девочку со льдом»...

MAR DEL PLATA

РУССКИЙ ОТЕЛ В ТЕНИСТОМ САДУ. ГАЛЛЕРЕЯ С КРЕСЛАМИ. КОМНАТЫ С ОТДЕЛЬНЫМИ ВАННЫМИ. ПРЕКРАСНАЯ КУХНЯ.

ПОЛНЫЙ ОТДЫХ

HOTEL PARQUE JOCARAL

Calle Guanahani 6000

altura Talcahuano 1000. Т. Е. 2-7435

ТИРАЖ «НАШЕЙ СТРАНЫ» ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

